

«Немецкий вопрос» в контексте колониального и национального дискурсов Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Д. А. Бауман

В данном исследовании изучается так называемый «немецкий вопрос», который отражает широкие проблемы национальных и этнических отношений в многонациональной империи, позволяет понять, как различные этнические группы взаимодействовали друг с другом и как государственная политика влияла на эти отношения. Цель статьи состоит в выявлении глубинных причин возникновения данного национального вопроса в общественно-политическом пространстве империи, а также в анализе его сущности. Делается вывод, что можно проследить явную схожесть «немецкого» вопроса с другими национальными «вопросами» империи, в частности с «финляндским». Сравнив два, на первый взгляд, кажущихся разными «вопроса», можно выявить следующие закономерности: отцами-основателями «вопросов» были консервативные чиновники, исповедовавшие идеалы «единой и неделимой» России. Акторы «финляндского» вопроса ставили своей целью недопущение особых финляндских прав, а акторы «немецкого» – недопустимость создания немецкого «единства» (посредством создания обособленных немецких «государств») в Сибири как одной из главных угроз в национальном проекте колонизации региона, который следовало включить в имперское пространство.

Ключевые слова: «немецкий вопрос», колонизация, немецкие колонисты, имперский колониальный дискурс, национальная политика, Западная Сибирь, колониальная политика, немецкие колонии.

Для цитирования: Бауман Д. А. «Немецкий вопрос» в общественно-политическом дискурсе Российской империи в конце XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2025. – № 3. – С. 10–27. DOI: 10.35231/25422375_2025_3_10. EDN: AFJOMH

Введение

На рубеже XIX – начала XX в. на территории Российской империи проживало значительное количество немцев, часть из которых в результате социокультурных и экономических трансформаций середины XIX – начала XX в. начали переселяться в Сибирь. Их присутствие и интеграция в российское переселенческое общество Сибири создавали уникальные социальные и культурные условия, которые влияли на развитие региона. Немецкая колонизация Западной Сибири – это история взаимодействия различных этнических групп и становления новых идеологических конструкций, создаваемых общественно-политическим дискурсом позднеимперского периода. Изучение данного процесса позволяет оценить эффективность государственной политики в отношении не только немецкого меньшинства, но и выявить глубинные причины возникновения других национальных «вопросов», используя метод компаративистики.

Историография проблемы возникновения и развития «немецкого вопроса» на сегодняшний день обширна. Активное и более глубокое изучение истории «немецкого вопроса» в поздней Российской империи начинается с 2000-х гг. Так, в 2002 г. вышел сборник материалов 8-й международной научной конференции «Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941 гг.)» в котором появилась статья П. П. Вибе и С. В. Бааха «Антинемецкая кампания в Сибирском регионе в начале XX века», где историки анализируют обострение «немецкого вопроса» в связи с активизацией немецкой колонизации Западной Сибири в конце XIX в. и его пик в годы Первой мировой войны. Авторы приходят к выводу, что конец антинемецкой кампании положили революционные события 1917 г., смена власти в России и последующая за ними политика по отношению к немецким колонистам, которых вновь стали рассматривать как «хороших, рачительных хозяев, способных в трудную минуту помочь отечеству» [1]. В 2004 г. в материалах X международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев «Ключевые проблемы истории российских немцев» вышла публикация С. В. Бобылевой «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй

половины XIX века», в которой автор отмечала, что «немецкий вопрос» не уходил с внутривнутриполитической арены страны с момента его появления на страницах периодической печати России в 1870-е гг., а национальная политика страны по отношению к немцам свидетельствовала о социально-политическом и духовном кризисе российского общества [2].

Начиная с 2010-х гг. в исследованиях по истории немецкой диаспоры в России, национальной политики государства, а также отношений различных социальных групп к немцам появляются новые методологические подходы, которые приходят на смену классической позитивистской парадигме. Все чаще можно заметить первые попытки более глубокого анализа всех тех процессов, в которых косвенно или прямо участвовала немецкая диаспора России, свойственного концепции «новой имперской истории».

Так, в 2013 г. было опубликовано сразу три исследования, касающихся эволюции и причин возникновения «немецкого вопроса». В материалах 4-й международной научно-практической конференции «Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию)» вышла статья Н. В. Венгер «Немецкая колонизация и Российский национализм: динамика формирования идеологических концептов и государственной политики (1760–1914)», в которой автор достаточно подробно исследует и анализирует эволюцию государственной национальной политики и «немецкого вопроса», привлекая широкий круг источников, в первую очередь сочинения его идеологов, публикации, воспоминания и выступления видных политических деятелей страны. Проводятся аналогии с другими национальными вопросами в общественно-политической плоскости и делается вывод, что «немецкий вопрос» развивался как социальное явление и как продукт националистической политики государства [3].

В статье Н. В. Морозовой и Т. П. Назаровой «Вопрос о немецкой колонизации России в отечественной публицистике конца XIX – начала XX в.» отмечалось, что актуализация «немецкого вопроса» стала возможна в результате политики поиска национального самосознания и культурной самобытности через построение и осмысление образа «чужого», а возникший еще задолго до Первой мировой войны рост антинемецких настроений был связан со стремлением реакционных поли-

тиков и общественных деятелей перевести контур внимания общественности с объективных проблем государства [4].

В свою очередь Р. А. Циунчук анализировал национальную политику в поздней имперской России через призму нарративов депутатов Государственной думы. Так, в условиях имперской неравноправной иерархии народов и конфессий оформлялись категории «свои», «иные», «другие», «чужие» и продемонстрировано, как они в разных условиях применялись к российским немцам, полякам, евреям. Из-за отсутствия равноправия и несмотря на сохранение общей лояльности к власти и надежды на диалог с властью думских этнических элит резко обострялся национальный вопрос, усиливалась ксенофобия и национальная нетерпимость [5].

Проблема возникновения и эволюции «немецкого вопроса» в партийной среде также рассматривалась в статье Н. В. Венгер «Немецкий вопрос в системе идеологии и деятельности правомонархических партий в Российской империи (1905–1917)». В ней дается анализ подходов к немецкому вопросу в политических программах и практической деятельности монархических партий Российской империи в период с 1905 по 1917 г. Немецкий вопрос был компонентом более широкой инородческой проблемы. Он развивался в направлении постепенной радикализации программы, соответствующей националистическому сценарию, и был тесно связан с внутренней политической ситуацией и внешней политикой Российской империи [6]. В статье «Низовой национализм как форма общественных отношений в поздней Российской империи: эмоционалогический анализ «немецкого вопроса», Н. В. Венгер анализирует истоки появления эмоциональной группы сторонников данной социальной проблемы, а также этапы ее развития [7].

На современном этапе проблему немецкой и любой другой национальной колонизации Западной Сибири перспективно рассматривать, по замечанию В. Н. Шайдурова, с точки зрения глобального и междисциплинарного подхода, который начинает «проникать» в исследования колониализма Сибири с недавних пор [8].

Исходя из этого, при рассмотрении данного вопроса мы опираемся на работы исторической школы «новой имперской истории».

В эту группу историографических работ в первую очередь следует отнести труд коллектива исследователей, которые

с 2000 г. разрабатывают современную версию наднациональной истории [9]. В этом же ключе работает один из основных исследователей колониализма в Сибири М. К. Чуркин [10–11]. Для сравнительного анализа имперской политики по вопросу немецкой колонизации автором привлекались исследования А. П. Петуховой, которая изучает национальные дискурсы и политику в позднеимперский период [12]. Для анализа немецкой колонизации в глобальном масштабе привлекались материалы сборника «Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири» под редакцией М. Котовой, в котором была пересмотрена роль Сибири в составе империи и политика центра по отношению к этой периферии, а также статья А. Ремнева, в которой анализируется возможность использования регионального нарратива в «новой имперской истории», которая по своей сути является историей глобальной [13–14].

Отдельного внимания заслуживают работы по эволюции идентичности российских немцев. Примером исследования данного вопроса служит статья О. В. Ерохиной и А. А. Кайряк «Преобразование этнической идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии в гражданскую (1763–1871)», в которой рассматривается процесс формирования этнической идентичности немцев, а также ее трансформации в гражданскую. Исследователи приходят к выводу, что формирование гражданской идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии произошла несколько раньше, в отличие от немецких колонистов, находившихся под влиянием общины, и началась в начале XIX в. [15].

Целью данного исследования является определение как объективных, так и субъективных причин возникновения «немецкого вопроса» в колониальном и национальном дискурсе позднеимперского периода методом компаративистики. Проводится анализ тех нарративов, которые касались немецких колонистов и немецкой колонизации Западной Сибири и вместе с этим входили в общеимперскую канву нового проекта империостроительства.

Результаты

С активизацией колониационного процесса в связи с проведением аграрной реформы правительством П. А. Столыпина на территорию Западной Сибири переселяется большая волна

немецких колонистов. Именно на этот период приходится обострение так называемого «немецкого вопроса», корни которого назревали еще в последней четверти XIX в.

Практически совпадая с началом проведения столыпинской аграрной реформы, в которой огромное место уделялось колонизации пустующих сибирских земель, в региональной и центральной прессе стали появляться статьи, содержащие информацию, а в большей степени и реакцию различных по положению чиновников на немецкую колонизацию. Так, уже в 1908 г. в журнале «Сибирские вопросы», который освещал широкий спектр проблем, касавшихся колонизационного процесса Сибири, в рубрике «Сибирские письма» вышла статья «„Немецкий полон“ и частная земельная собственность» [16, с. 51]. В ней говорилось о том, что в ряде публикаций в прессе утверждалось что земля около города Омска и чуть ли не вся Акмолинская область «завоевана немцами» и везде слышен «один немецкий язык». Эти сообщения, по мнению авторов, вызвали достаточно серьезные последствия. В частности, генерал-губернатор Степного края Назаров 12 января 1907 г. распорядился не допускать немецких колонистов в Омский уезд, на что последние написали жалобу депутатам сибирской группы, в которой назвали действия Назарова незаконными, а свое положение «ужасным», так как большинство переселенцев, ожидая разрешение на водворение в течение года и более разорились. В свою очередь депутаты передали письмо с жалобой начальнику переселенческого управления Г. В. Глинке, на чем, как писал автор, процесс был завершен [17, с. 49].

Важно подчеркнуть, что автор отмечал, что слухи и переживания царских чиновников о немецком переселении преувеличены «до полной вздорности», но в основе этих слухов, по его мнению, лежал «крайне неприятный факт», который заключался в том, что земли сибирского казачьего войска оказались в руках немецких крестьян. Тут же автор описывал схему произошедшего: те земли, которые казачьим офицерам давались в виде дополнения к пенсии, продавались ими же за небольшую сумму частным спекулянтам, которые в свою очередь перепродавали эти земли немцам. Именно около этого факта случился ажиотаж в прессе [16, с. 52].

Несмотря на то что объективные причины «немецкого вопроса» были преувеличены, волна антинемецких настроений в прес-

се продолжились. Пиком данной кампании стал 1910 г., когда появились острые публикации по этой теме в уважаемых правых, националистических центральных газетах «Свет», «Новое время», «Объединение», «Дело Отечества», «Голос Руси».

Так, 5 ноября 1910 г. на страницах газеты «Объединение» была опубликована статья А. Папкова «Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казацкого владения», в которой освещалась проблема «чрезмерного» заселения немцами окраин империи. Колонисты, по его мнению, тяготели «всем своим бытом к своему прежнему Отечеству, а не к России», в ней же автор поднимал земельный вопрос, говоря о несправедливом соотношении при распределении земель между крестьянами-переселенцами разных национальностей: «...сотни тысяч десятин и притом лучшей земли перешли в немецкие руки. Немецкие колонии растут, как грибы, – и в этом нет ничего удивительного, так как главные должности переселенческих чиновников заняты немцами. В Акмолинской области переселением заведует фон Штейн, в Томской губернии – Шуман, в единственно годном для переселения уезде Семипалатинской области – Павлодарском – молодой, но ярый германизатор Питрих ...». Папков отмечал, что «в лучшей части Барнаульского уезда, вблизи возникшего города Славгорода, маленькое германское государство из сорока немецких сел. Отношение немецких колонистов к русским переселенцам весьма презрительное и злобное» [18].

Однако тезис о том, что немецкие колонисты заняли лучшие земли, был опровергнут генерал-губернатором Степного края Е. О. Шмитом. Он пояснил, что немцы заселяют лишь южные уезды Акмолинской области, которые «поставлены в более тяжелые жизненные условия». В ответ на статью последовала реакция и заведующего переселенческим делом в Акмолинском округе В. фон Штейна, который заявил, что в результате исследования 1909 г. было выявлено, что доля немецкого населения области составляет всего около 5 %, и следовательно, немцы занимают «весьма скромное место» [19, л. 18–21 об.].

Как видим, местная царская бюрократия сразу же реагировала на подобные публикации, говоря о преувеличенности враждебной тональности по отношению к немецкой колонизации. Данная ситуация ярко подчеркивает конфликт интерпретаций и взглядов на немецкую колонизацию региона. Поче-

му же тогда антинемецкая кампания продолжает существовать в общественно-политическом дискурсе? На наш взгляд, для того чтобы выяснить глубинную причину возникновения данного феномена и понять его суть, необходимо прибегнуть к методу компаративистики. Наряду с «немецким» в позднеимперский период на арену общественно-политического пространства империи выходит еще ряд национальных вопросов. Раскрыв схожесть данных вопросов, можно максимально приблизиться к выяснению причин этих самых вопросов.

В 1890-х гг. на страницах общественно-политических газет появляются громкие заголовки о «финляндском вопросе», развиваются антифинляндские настроения. Вопрос был о роли и месте финляндского княжества в составе Российской империи, его унификации со всей империей и полной интеграции. Конечно же, данные публикации касались и рядовых жителей княжества – финских крестьян. Экономический рост княжества и культурный подъем стали вызывать реакцию со стороны акторов, отцов данного инородческого вопроса [13, с. 195]. В эпоху модерности Российского государства и в период глобальных перемен на международной арене стала очевидна «западная» принадлежность финнов, сама Финляндия стала восприниматься как чужеродный элемент в теле империи. Быт, традиции, в целом образ жизни княжества был характерен для западной цивилизации.

В случае с немецкими колонистами мы наблюдаем ту же тенденцию. В публикациях ясно прослеживается выделение немцев как элемента «западной цивилизации», где всячески подчеркивалось их европейское происхождение и то, что они тяготели «всем своим бытом к своему прежнему Отечеству, а не к России», то, что патриотизм немцев склонен к Германии. Этот тезис стал играть одну из главных ролей в тот момент, когда отношения между Германией и Россией начали выстраиваться явно во враждебном ключе.

Как и в случае «финляндского», в «немецком» вопросе и во всем информационном потоке антинемецкой кампании существовало глубокое идейное содержание, из которого можно выделить два фрейма (ключевых посылов, смыслов) – двух «единств» и «национальную угрозу».

Фрейм «единства» использовался акторами вопроса в качестве призыва к объединению нации как в идеологическом, так

и в военном плане. На страницах газеты «Объединение», где описывался вышеизложенный сюжет про «захват» немцами земель сибирского казачьего войска, автор призывал ликвидировать опасность «военного единства» империи. Русскому «единству», которое, по мнению автора, еще не образовалось, он противопоставляет «единство» немецкое, которое сильно с учетом того, что немцы живут обособленно и всячески помогают друг другу в процессе колонизации Сибири. «Единству» угрожало и то, что высшими чинами Переселенческого управления в Западной Сибири являлись немцы. Примечательно, что автор, перечисляя фамилии, явно делал на этом акцент. В пример немецкого «единства» приводились организации, которые действовали с территории «немецкого Отечества» – всеобщий германский союз для поддержки немцев, живущих за границей (г. Берлин) и школьный союз Густава-Адольфа (г. Лейпциг). Ключевой посыл этого фрейма – необходимость объединиться против немецкого «единства», которое представляет «национальную угрозу», нависшую на востоке страны и необходимость имперской бюрократии (в частности чиновникам Переселенческого управления) «одуматься» и изменить свой курс в отношении немецкой колонизации.

Данный фрейм провозглашал необходимость строительства единой, монолитной империи при помощи мер унификации, которые смогут функционировать только при четко слаженной работе всех механизмов империи. Одним из действенных способов и методов построения такой империи акторы видели в «русской» колонизации имперского пространства, в расширении имперского ядра. Именно поэтому в публикациях особое место уделялось критике чиновников Переселенческого управления как института, который должен был решать главную задачу «русской» колонизации, но именно этот институт даёт во всей имперской системе «сбой».

Говоря о «единстве», идеологи вопроса лишь формально подчеркивали административную сторону, связанную с водворением немцев обособленными очагами колонизации или критикуя действия царской бюрократии на местах. Куда больше в «единство» вкладывалось идеологическое обоснование, которое кроется в цивилизационном, культурном, религиозном, историческом смысле.

Для построения фрейма был характерен прием повествования от множественного лица с использованием местоимения «мы». Часто упоминая местоимение «мы», авторы отождествляли себя с читателями, делая, таким образом, проблему немецкой колонизации Западной Сибири сферой общих интересов. Кроме того, «мы» употреблялось и в национальном контексте: «мы» означало «мы, русские», в данном случае можно говорить не конкретно о русской национальности (великорусской), а скорее обо всей славянской, православной цивилизации. И это самое «мы» было резко направлено против образа «они», что означало «они, представители другой, западной цивилизации». Таким образом, конструировалась дихотомия «мы» – «они», «свой» – «чужие». Подчеркивая эту дихотомию, авторы прибегали к использованию политических терминов: немцы в их публикациях создают собственные «государства», целые немецкие «царства», где все говорят на немецком и даже не могут назвать имя правящего монарха. Авторы специально делали упор на том, что внутри единой и монолитной империи возникают другие «государства» и «царства», в их представлении единое имперское пространство разрывается, в теле империи появляются инородные элементы.

Фрейм «национальной угрозы» тесно связан с «единством», немецкие колонисты и их «единство» есть угроза русскому «единству», угроза в проекте национальной колонизации как средству строительства монолитной и неделимой России. «Национальная угроза» в данном случае проявляется в разных аспектах – хозяйственно-экономическом, социокультурном и политическом. Хозяйственно-экономический аспект конструировал образ немецкой колонизации как угрозы хозяйственному освоению сибирских просторов, так как немецкие колонисты, часто при попустительском отношении Переселенческого управления и чиновников местной бюрократии, занимают более благоприятные и плодородные территории колониционного фонда, что не соответствовало действительности.

Социокультурный аспект конструировал образ немецкого крестьянина из «нейтрального соседа» в «соседа-врага» посредством применения в публикации наглядности. В газете «Свет» в статье был приведен отрывок из разговора с неким «молодым крестьянином», который в беседе со своим товарищем рассказал

о «гостеприимстве» немцев по отношению к другим «национальностям». По этому диалогу, можно сделать вывод о том, что пользовавшийся добротой русского крестьянина немец получал от того ночлег и еду при длительном пути, однако, когда русскому крестьянину в жаркий день понадобился такой же «приют» от того же немца, то немец ему в грубой форме отказал. Такие же примеры, правда, не с таким наглядным диалогом, можно встретить и в других публикациях. В этой же газете автор статьи говорил о том, что немец даже в сильную сибирскую стужу не приютит русского крестьянина, зато с особым желанием даст укрытие от непогоды баптисту [19, л. 1]. Мы наблюдаем процесс наглядного и самое главное доходчивого конструирования образа немца как «плохого соседа». Можно предположить, что акторы явно делали упор на то, что этот диалог, который, скорее всего, стал предметом фантазии авторов, был написан специально с целью достижения пропагандистского эффекта, о чем нам косвенно может говорить и наличие в публикациях целого арсенала риторических средств.

Создавая образ немца – «чужого» и «врага», авторы прибегали к бытовым ситуациям, знакомым каждому крестьянину, используя всевозможные метафоры и гротески. Немцев сравнивали с «крысами», которые спокойно едят «русскую телятину», в данных словах явно прослеживается сравнение с тем, что немцы так же спокойно «едят» «русскую» землю. В публикациях смешивались политические, социальные, бытовые эмоционально окрашенные термины, в результате чего немцы, наряду с теми же финнами или китайцами превращались в «чужих», «соседей-врагов». Благодаря таким сравнениям у аудитории рождались нужные ассоциации.

Политический аспект «национальной угрозы» тесно связан с международной обстановкой, которая царил в предвоенной Европе. Для национальной консервативной элиты того времени характерен алармизм – повышенное, обостренное чувство опасности [13, с. 199]. Напряженные отношения России и Германии отражали ту враждебную тональность к немецким колонистам, которая присутствовала в дискурсе. Авторами поднималась серьезная проблема – в случае войны с Германией появление в глубине страны «пятой колонны» в лице немцев, которые, по их мнению, обладают и сохраняют поли-

тическую связь со своей исторической Родиной. Для придания большего эффекта военно-политической тональности публикации использовались словосочетания с ярко выраженными экспрессивными оттенками, такие как «удар в тыл», «германские полчища», русский солдат в годы войны будет вынужден «проливать кровь», защищая «немецкое благополучие». Через такие языковые средства авторами достигался необходимый эмоциональный тон и градус.

Через данный аспект, как и в «финляндском» дискурсе поднимался вопрос о социальном и политическом неравенстве национальностей. Правительство страны обвинялось в том, что оно породило чуть ли не уникальный случай, когда инородцы, национальное меньшинство, которое при всем прочем является «национальной угрозой», находится в более привилегированном положении по сравнению с коренным, титульным населением империи. Речь в данном случае шла о воинской повинности, которую баптистам разрешалось отбывать в лесной страже.

Обсуждение и выводы

Подводя итог анализу «немецкого» вопроса в общественно-политическом дискурсе позднеимперского периода, можно проследить явную его схожесть с другими национальными «вопросами» империи, в частности с «финляндским». Сравнив два, на первый взгляд, кажущихся разными «вопроса», можно проследить закономерность. Отцами-основателями «вопросов» были консервативные чиновники, исповедовавшие идеалы «единой и неделимой» России. Акторы «финляндского» вопроса ставили своей целью недопущение особых финляндских прав, а акторы «немецкого» – недопустимость создания немецкого «единства» (посредством создания обособленных немецких «государств») в Сибири как одной из главных угроз в национальном проекте колонизации региона, который следовало включить в имперское пространство. Среди акторов «вопросов» не было по-настоящему крупных чиновников, которые находились бы в структуре власти, однако оба актора побуждали правительство к решительным, в некоторых случаях кардинальным мерам устранения «национальных угроз». Главным результатом деятельности этих лиц стало то, что они вывели национальные «вопросы» из кабинетных разговоров в публич-

ное пространство, породив тем самым новый общественный дискурс. В разных условиях и говоря про разные институты (в антифинляндском дискурсе большее внимание уделялось политическому положению целого княжества, в то время как в антинемецкой кампании упор делался на вопросы колониционного проекта империостроительства), акторы поднимали одну и ту же проблему – проблему унификации и русификации империи. По их замыслу достигаться это должно было при помощи привлечения внимания широких слоев населения к данной проблеме посредством медийности.

Схожесть дискурсов заключается еще и в том, что они были выгодны и санкционированы государством, что косвенно подтверждается тем, что данные публикации, печатаясь в центральных консервативных газетах и, критикуя те или иные имперские механизмы, вообще допускались к этой самой печати и публикациям. Режим правления Александра III, а затем и его преемника – Николая II перешёл к воплощению идеи создания «национальной империи», идеального, гомогенного и однообразного общества [10, с. 301].

Почему «немецкий» и другие вопросы не приобрели такого масштаба или же вовсе не возникли в царствование Александра III? Это объясняется тем, что идеологи того царствования предпочитали говорить о Российской империи лишь в связи с её международным статусом, предполагая дальнейшее создание «золотого стандарта» однородного национального государства. Все, что не укладывалось в одномерную национальную схему, оказывалось в «серой зоне» умолчания. Если ранее империя справлялась с удержанием контроля и власти над пестрым по национальному, культурному и религиозному признаку населением благодаря тому, что оно жило в замкнутых и однородных общинах, то с наступлением эпохи массового общества в позднеимперский период государству необходимо было включить это общество в единую и гомогенную «нацию». Однако проект «включения», который выбрал Александр III и продолжил его преемник, оказался неэффективным.

Колонизация Сибири стала одним из главных инструментов нового проекта империостроительства, она рассматривалась как «национальная» задача расширения имперского локуса посредством именно «русской» колонизации [20, с. 60]. Од-

нако данный проект изначально можно назвать неудачным. Столкнувшись с пореформенным мобильным массовым обществом, пёстрым по своему национальному составу, идеологи проекта не учли многих важных деталей [21, с. 72]. В «русском» расширении имперского ядра начинают участвовать «чуждые» во всех смыслах группы населения, в том числе и немцы, и тем самым колонизация Сибири не способствовала её включению в единый имперский конструкт и формированию гомогенной социокультурной платформы империи. «Немецкий» вопрос во многом стал отражением той общей канвы империостроительства, когда государство начинает работать в «национальном» духе, а имперская власть пытается легитимировать себя новыми националистическими методами. Национальная идея правления Николая II представляла «русскую национальную империю» осажденным лагерем. Все инородцы, проживающие в ней, в том числе и немецкие колонисты, представлялись ему угрозой и несли гибель, они рассматриваются в качестве проводников интересов других государств. Таким образом, выстраивается образ немецкого колониста как «соседа-врага», и именно в этом кроются глубинные причины возникновения «немецкого» вопроса.

Список литературы

1. Вибе П. П., Баах С. В. Антинемецкая кампания в Сибирском регионе в начале XX века // Немцы России: социально-экономическое и духовное развитие (1871–1941): материалы 8-й международной научной конференции, 13–16 октября 2001 г., Москва / отв. ред. А. А. Герман. М.: ЗАО «МДЦ Холдинг», 2002. С. 54–58.
2. Бобылева С. В. «Немецкий вопрос» в оценке российского общественного мнения второй половины XIX века // Ключевые проблемы истории российских немцев: материалы X-й международной конференции Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев, 18–21 ноября 2003 г., Москва / отв. ред. А. А. Герман. М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2004. С. 47–57.
3. Венгер Н. В. Немецкая колонизация и Российский национализм: динамика формирования идеологических концептов и государственной политики (1760–1914) // Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): материалы 4-й международной научно-практической конференции, 24–27 августа 2012 г., Москва / отв. ред. А. А. Герман. М.: ЗАО «МСНК-пресс», 2013. – С. 34–54.
4. Морозова Н. В., Назарова Т. П. Вопрос о немецкой колонизации России в отечественной публицистике конца XIX – начала XX в // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–2 (27). С. 135–138. EDN: RNCLOR.
5. Циунчук Р. А. Немецкий, польский и еврейский вопросы в Государственной думе: "свои", "иные", "другие", "чужие" // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы международной научной конференции,

19 октября 2012 г., Санкт-Петербург / отв. редактор А. Б. Николаев. СПб.: ООО "ЭлекСис", 2013. С. 74–82. EDN: TQXTVB.

6. Венгер Н. В. Немецкий вопрос в системе идеологии и деятельности правомонархических партий в Российской империи (1905–1917) // Образование, жизнь и судьба немецких поселений в России: материалы 15-й международной научной конференции, 5–9 августа 2015 г., Маркс / отв. ред. А. А. Герман. М.: РусДойч Медиа, 2016. С. 142–164.

7. Венгер Н. В. Низовой национализм как форма общественных отношений в поздней Российской империи: эмпириологический анализ «немецкого вопроса» // Харьковский историографический сборник. 2016. № 15. С. 128–147. EDN: YTXQEN.

8. Шайдуров В. Н. Евреи, немцы, поляки в Западной Сибири XIX – начала XX в. СПб.: Изд-во Невского ин-та языка и культуры, 2013. 260 с. EDN: SDMWJP.

9. Новая имперская история Северной Евразии. Часть 2: Балансирование имперской ситуации: XVIII–XX вв. / отв. ред. И. Герасимов. Казань: Ab Imperio, 2017. 630 с.

10. Чуркин М. К. "Плохие" и "хорошие" колонисты в дискурсе российских национал-консерваторов (вторая половина XIX в.) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2. С. 118–126. EDN: XZCDML.

11. Чуркин М. К. Перспективы аграрного освоения территорий Степного края в колониальных планах российской власти во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 196–206. EDN: VHLUXR.

12. Петухова А. П. «Скажи мне, кто твой враг...»: «антифинляндский дискурс» в пространстве общественно-политической коммуникации Российской империи конца XIX – начала XX в. // AbImperio. 2010. № 3. С. 195–226.

13. Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири / отв. ред. М. Котова. М.: Новое издательство, 2013. 294 с.

14. Ремнев А. В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // Вестник ОмГУ. 2004. № 4. С. 6–13.

15. Ерохина О. В., Кайряк А. А. Преобразование этнической идентичности немцев Санкт-Петербургской губернии в гражданскую (1763–1871) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 1. С. 42–55. EDN: PJIGEF.

16. Сибирские письма // Сибирские вопросы. 1908. № 25. С. 51–52.

17. Околотумская хроника // Сибирские вопросы. 1908. № 8. С. 48–49.

18. Папков А. П. Немецкое царство в Западной Сибири на развалинах казачьего владения // Объединение. 1910. № 21–22. С. 139.

19. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 4. Д. 235.

20. Ерохина Е. А. Сибирь как объект внутренней колонизации: воспроизводство отдельности и конструирование целостности // ЭКО. 2019. № 1 (535). С. 60–74. EDN: SNUQNJ.

21. Чуркин М. К. Имперский проект колонизации Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.): аграрное освоение или социокультурная инкорпорация? // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (3). С. 70–72. EDN: SMUECD.

The "German Question" in the Context of Colonial and National Discourses of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries

Daniil A. Bauman

In this study, the author examines the problem of the so-called "German question", reflecting broad problems of national and ethnic relations in the multinational empire. Studying this topic allows us to understand how different ethnic groups interacted with each other and how government policy influenced these relations. The study is aimed to identify the underlying causes of this national issue in the socio-political space of the empire, as well as to analyze

its essence. In his research, the author comes to the conclusion that it is possible to trace the obvious similarity of the "German" question with other national "questions" of the empire, in particular with the "Finnish" one. By comparing two seemingly different "questions", we can trace the following pattern: firstly, the actors and founding fathers of these questions were conservative officials who professed the ideals of a "united and indivisible" Russia. The actors of the "Finnish" question aimed at preventing special Finnish rights, and the actors of the "German" question aimed at the inadmissibility of creating German "unity" (through the creation of separate German "states") in Siberia as one of the main threats in the national project of region colonization, which should have been included in the imperial space.

Key words: the "German question", colonization, German colonists, imperial colonial discourse, national policy, Western Siberia, colonial policy, German colonies.

For citation: Bauman, D. F. (2025) «Nemeckij vopros» v kontekste kolonial'nogo i nacional'nogo diskursov Rossijskoj imperii v konce XIX – nachale XX v. [The "German Question" in the Context of Colonial and National Discourses of the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 3. Pp. 10–27. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_3_10. EDN: AFJOMH

References

1. Vibe, P. P., Baah, S. V. (2002) Antinemeckaya kampaniya v Sibirskom regione v nachale XX veka [The anti-German campaign in the Siberian region at the beginning of the 20th century]. *Nemcy Rossii: social'no-ekonomicheskoe i duhovnoe razvitie (1871–1941)* [The Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871–1941)]. Proceedings of the 8th International Scientific Conference, 13–16 October 2001, Moscow. Ed. A. A. German. Moscow: CJSC "MDC Holding". Pp. 54–58. (In Russ.)
2. Bobyleva, S. V. (2004) «Nemeckij vopros» v ocenke rossijskogo obshchestvennogo mneniya vtoroj poloviny XIX veka [The "German Question" in the Assessment of Russian public opinion in the second half of the 19th Century]. *Klyuchevye problemy istorii rossijskikh nemcev* [Key problems of the history of Russian Germans]. Proceedings of the 10th International Conference of the International Association of Researchers of the History and Culture of Russian Germans, 18–21 November 2003, Moscow. Ed. A. A. German. Moscow: CJSC MSNK-press. Pp. 47–57. (In Russ.)
3. Venger, N. V. (2013) Nemeckaya kolonizaciya i Rossijskij nacionalizm: dinamika formirovaniya ideologicheskikh konceptov i gosudarstvennoj politiki (1760–1914) [German colonization and Russian nationalism: the dynamics of the formation of ideological concepts and state policy (1760–1914)]. *Dva s polovinoj veka s Rossiej (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemcev v Rossiyu)* [Two and a half centuries with Russia (on the 250th anniversary of the beginning of the mass resettlement of Germans to Russia)]. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, 24–27 August 2012, Moscow. Ed. A. A. German. Moscow: CJSC MSNK-press. Pp. 34–54. (In Russ.)
4. Morozova, N. V., Nazarova, T. P. (2013) Vopros o nemeckoj kolonizacii Rossii v otechestvennoj publicistike konca XIX – nachala XX v. [The question of the German colonization of Russia in Russian journalism at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. No. 1–2 (27). Pp. 135–138. (In Russ.). EDN: RNCLOR.
5. Ciunchuk, R. A. (2013) Nemeckij, pol'skij i evrejskij voprosy v Gosudarstvennoj dume: "svoji", "inye", "drugie", "chuzhie" [German, Polish and Jewish issues in the State Duma: "their own", "another", "others", "strangers"]. *Tavricheskie chteniya 2012. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Tauride Readings 2012. Actual problems of parliamentarism: history and modernity]. Proceedings of the International scientific conference, 19 October 2012, St. Petersburg. Ed. A. B. Nikolaev. St. Petersburg: OOO "ElekSis". Pp. 74–82. (In Russ.). EDN: TQXTVB.
6. Venger, N. V. (2016) Nemeckij vopros v sisteme ideologii i deyatelnosti pravomonarhicheskikh partij v Rossijskoj imperii (1905–1917) [The German question in the system of ideology and activities of right-wing monarchist parties in the Russian Empire (1905–1917)]. *Obrazovanie, zhizn' i sud'ba nemeckikh poselenij v Rossii* [Education, life and fate of German settlements in Rus-

sia]. Proceedings of the 15th International Scientific Conference, 5–9 August 5–9 2015, Marks. Ed. A. A. German. Moscow: Rusdeutsch Media. Pp. 142–164. (In Russ.)

7. Venger, N. V. (2016) Nizovoj nacionalizm kak forma obshchestvennyh otnoshenij v pozdnej Rossijskoj imperii: emociologicheskij analiz "nemeckogo voprosa" [Grassroots nationalism as a form of social relations in the late Russian Empire: an emotionological analysis of the "German question"]. *Har'kovskij istoriograficheskij sbornik* [Kharkov Historiographical Collection]. No. 15. Pp. 128–147. (In Russ.). EDN: YTXQEN.

8. Shaidurov V. N. (2013) *Evrei, nemcy, polyaki v Zapadnoj Sibiri XIX – nachala XX v.* [Jews, Germans, Poles in Western Siberia of the 19th – early 20th century]. St. Petersburg: Publishing House of the Nevsky Institute of Language and Culture. (In Russ.). EDN: SDMWJP.

9. Gerasimov, I. (2017) (ed.) *Novaya imperskaya istoriya Severnoj Evrazii. CHast' 2: Balansirovanie imperskoj situacii: XVIII–XX vv.* [A new imperial history of Northern Eurasia. Part 2: Balancing the Imperial situation: 18th – 20th centuries]. Kazan: Ab Imperio. (In Russ.)

10. Churkin, M. K. (2018) "Plohie" i "horoshie" kolonisty v diskurse rossijskikh nacional-konservatorov (vtoraya polovina XIX v.) ["Bad" and "good" colonists in the discourse of Russian National Conservatives (the second half of the 19th century)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»* [Bulletin of Omsk University. Series "Historical sciences"]. No. 2. Pp. 118–126. (In Russ.)

11. Churkin, M. K. (2015) Perspektivy agrarnogo osvoeniya territorij Stepnogo kraya v kolonizacionnyh planah rossijskoj vlasti vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Prospects of agrarian development of the territories of the Steppe region in the colonization plans of the Russian government in the second half of the 19th – early 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 401. Pp. 196–206. (In Russ.)

12. Petuhova, A. P. (2010) «Skazhi mne, kto tvoj vrag...»: «antifinlyandskij diskurs» v prostranstve obshchestvenno-politicheskoj kommunikacii Rossijskoj imperii konca XIX – nachala XX v. [Tell me who your enemy is...]: "anti-Finnish discourse" in the space of socio-political communication of the Russian Empire at the end of the 19th – beginning of the 20th century]. *AbImperio* [AbImperio]. No. 3. Pp. 195–226.

13. Kotova, M. (2013) (ed.) *Region v istorii imperii: istoricheskie esse o Sibiri* [The region in the history of the Empire: historical essays on Siberia]. Moscow: New Publishing House. (In Russ.)

14. Remnev, A. V. (2004) Regional'nyj narrativ v novej imperskoj istorii Rossii [Regional narrative in the new imperial history of Russia]. *Vestnik OmGU* [Bulletin of OmsU]. No. 4. Pp. 6–13. (In Russ.)

15. Erohina, O. V., Kajryak, A. A. Preobrazovanie e'tnicheskoj identichnosti nemcev Sankt-Peterburgskoj gubernii v grazhdanskuyu (1763–1871) [Transformation of the Ethnic Identity of the Germans of the St. Petersburg Province into a Civil Identity (1763–1871)]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Journal of the Belarusian State University. History]. No. 1. Pp. 42–55. (In Russ.)

16. Sibirskie pis'ma [Siberian letters]. *Sibirskie voprosy* [Siberian questions]. 1908. No. 25. Pp. 51–52. (In Russ.)

17. Okolodumskaya hronika [Near-Duma chronicle]. *Sibirskie voprosy* [Siberian questions]. 1908. No. 8. Pp. 48–49. (In Russ.)

18. Papkov, A. P. (1910) Nemeckoe carstvo v Zapadnoj Sibiri na razvalinah kazatskogo vladeniya [The German kingdom in Western Siberia on the ruins of a Cossack domain]. *Ob"edinenie* [Union]. No. 21–22. P. 139. (In Russ.)

19. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive] (hereinafter – RGIA). F. 391. Op. 4. D. 235. l. 18–21 vol.

20. Erohina, E. A. (2019) Sibir' kak ob'ekt vnutrennej kolonizacii: vosproizvodstvo otdel'nosti i konstruirovaniye celostnosti [Siberia as an object of internal colonization: reproduction of separateness and construction of integrity]. *EKO* [ECO]. No. 1 (535). Pp. 60–74. (In Russ.)

21. Churkin, M. K. (2014) Imperskij proekt kolonizacii Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachala XX vv.): agrarnoe osvoenie ili sociokul'turnaya inkorporaciya? [The Imperial colonization project of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries): agrarian development or socio-cultural incorporation?]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies]. No. 2 (3). Pp. 70–72. (In Russ.)

Об авторе

Бауман Даниил Александрович, магистрант, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Российская Федерация; e-mail: bauman-2001@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4190-1123

About the author

Bauman Daniil A., Master's Student, Surgut State University, Surgut, Russian Federation; e-mail: bauman-2001@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-4190-1123

*Статья поступила в редакцию 01.06.2025
Одобрена после рецензирования 25.06.2025
Принята к публикации 10.07.2025*